

18+

ТЫ НАС НАШЛА

ДЕТЕКТИВ РЕГРЕССОЛОГА

КНИГА ПЕРВАЯ

АНДРЕЕВА МАРИНА

Марина Андреева

**Ты нас нашла. Детектив
регрессолога. Книга первая**

«Издательские решения»

Андреева М.

Ты нас нашла. Детектив регрессолога. Книга первая /
М. Андреева — «Издательские решения»,

В январе 2023 года Марина провела своё первое самостоятельное погружение и услышала фразу: «Ты нас нашла». Так началось расследование, собранное из реальных сеансов регрессивного гипноза, рабочих заметок и воспоминаний автора. Прошлые жизни, голоса душ, повторяющиеся символы и загадочный Александр постепенно складываются в единую цепь улик. Имена и узнаваемые обстоятельства героев изменены.

© Андреева М.

© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Эпиграф	7
Аннотация	8
О книге и её читателе	9
От автора	10
О материалах книги	12
ЧАСТЬ I. Первая дверь	13
ГЛАВА 01. День, когда жизнь разделилась на до и после	14
ГЛАВА 02. Невеста в чёрном	17
ГЛАВА 03. Мальчик, который не помнил лета	21
ГЛАВА 04. Та, что осталась волчицей	25
ГЛАВА 05. Кукла в витрине	30
ГЛАВА 06. Тот, кто перестал быть обезьяной	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ты нас нашла Детектив регрессолога. Книга первая

Марина Андреева

© Марина Андреева, 2026

ISBN 978-5-0071-0843-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-0844-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Эта книга посвящается моему отцу —

Владимиру Николаевичу —

человеку, который с самого первого дня поддерживал меня и мой путь.

И моей маме —

Надежде Филаретовне,

которая ушла с земли, когда мне было тринадцать,

но никогда не покидала меня с небес.

Между землёй и небом любовь всегда находит дорогу.

Эпиграф

«Мы возвращаемся в прошлое не для того, чтобы остаться в нём. Мы ищем момент, с которого настоящее стало загадкой».

Марина

Аннотация

О книге и её читателе

В январе 2023 года Марина провела своё первое самостоятельное погружение. Женщина в маске лежала под пледом на обычной кровати в съёмной квартире, а начинающий регрессолог сидела рядом на стуле и записывала разговор.

Тогда из темноты прозвучало:

— Ты нас нашла.

Эта фраза стала первой уликой расследования, которое продолжалось несколько лет.

В сеансах регрессивного гипноза возникали жизни, которых люди не помнили сознательно: невеста в чёрном, ребёнок, которого продолжал слышать умерший дед, обезьяна, отправленная в море, подводная наследница, исчезнувшие миры и голоса без тел. Среди этих историй всё чаще повторялось одно имя — Александр. Сначала он казался возможным наставником. Постепенно стал главной тайной расследования.

Кто отвечал из темноты? Где заканчивается вопрос проводника и начинается внутренний мир человека? Почему разные участники оставляли следы, которые складывались в одну цепочку?

«Ты нас нашла» — документально-литературный детектив, основанный на реальных сеансах, рабочих заметках и воспоминаниях автора. Имена и узнаваемые обстоятельства изменены. Природа увиденного остаётся открытой: прошлые жизни, символический язык психики, параллельные миры — или нечто, чему пока нет названия.

Ответ читателю предстоит искать вместе с автором.

От автора

Я начала писать задолго до того, как стала регрессологом.

В юности мне нравилось придумывать людей, их судьбы, встречи и потери. В марте 2009 года я опубликовала одно из первых особенно памятных мне произведений — **«мальчик с голубыми глазами»**. Тогда я назвала его маленькой поэмой. На литературной странице я называла себя **Рожденная Под Солнцем**. А в профиле стояла строка: **«Я и стихи — это разрыв между небом и землёй, но где-то посередине я всё-таки пролетаю»**.

Тогда это была дерзкая строка молодой девушки.

Я не могла знать, что спустя годы она станет почти буквальным описанием моей работы.

Потом я перестала писать. Не потому, что разлюбила слова. В какой-то момент мне стало тесно в придуманных историях. Я не хотела создавать судьбы только для того, чтобы на нескольких страницах заставить их любить, страдать и умирать. Мне казалось, что для возвращения к книге нужно найти материал, который не придётся выдумывать.

Я ещё не знала, что однажды люди станут приходить ко мне, закрывать глаза и рассказывать истории, которых не было в их сознательной памяти.

В этих историях дети ждали тех, кто никогда не возвращался. Женщины стояли рядом со своим телом и не сразу понимали, что умерли. Души меняли облик, покидали разрушенные миры, встречались после смерти и пытались передать живым слова, которые не успели сказать. Появлялись хранители, иные планеты, неизвестные города и будущее, которое наблюдало за настоящим.

А вместе с ними появлялись вопросы.

Почему разные люди видят миры, о которых прежде не рассказывали? Где заканчивается память и начинается символ? Кто отвечает, когда меняется голос человека? Можно ли доверять каждому существу, назвавшему себя наставником? И что происходит с самим проводником, когда расследование чужих историй постепенно начинает указывать на него?

Так я поняла, что снова пишу.

Только теперь мне не нужно было придумывать героев. Мне нужно было услышать их, сохранить и попытаться понять.

Эта книга создавалась несколько лет. Материал собирался постепенно — вместе с моей практикой, ошибками, открытиями и профессиональным взрослением. Основой стали мои рабочие заметки, наблюдения во время реальных сеансов регрессивного гипноза и воспоминания о том, как увиденное меняло людей и меня саму.

Я начала собирать первый том накануне своего тридцатипятилетия. Для меня это не просто книга к определённой дате. Это встреча с той девушкой, которая когда-то писала рассказы и однажды решила, что больше не хочет ничего выдумывать.

Теперь я знаю: она не перестала быть писателем.

Она ждала истории, которой сможет поверить сама.

Я не прошу читателя заранее принимать единственное объяснение происходящего. Возможно, перед нами память других воплощений. Возможно — язык души и подсознания. Возможно — иные миры, параллельные линии времени или что-то, чему пока нет точного названия.

Я предлагаю другое: войти в эти истории как в расследование. Наблюдать, замечать повторяющиеся улики, слышать вопросы и ответы и самостоятельно решать, чем могло быть увиденное.

Все истории возникли в реальных сеансах. Имена и узнаваемые обстоятельства изменены. Частные, интимные и медицинские сведения удалены. Смысл пережитого, последовательность сильных событий и происхождение моих вопросов сохранены.

Возможно, эта книга окажется особенно близка начинающим и будущим регрессологам. Я не предлагаю её как учебник или единственно правильный протокол. Перед вами история становления: живые случаи, вопросы, сомнения, ответственность проводника и постепенное понимание того, как важно слышать запрос человека, не подменяя его внутренний мир собственной версией.

Когда-то я написала, что где-то посередине между небом и землёй всё-таки пролетаю. Сегодня это место, из которого я рассказываю свою историю.

О материалах книги

Эта книга создавалась несколько лет. В её основе — мои рабочие заметки, сделанные во время и после реальных сеансов регрессивного гипноза, мои наблюдения и воспоминания. Материал собирался постепенно, по мере моего профессионального пути.

Перед каждым погружением человек сам формулировал запрос: рассказывал, что его беспокоит, какой сон, чувство или повторяющуюся картину он хочет понять. Поэтому мои вопросы во время сеанса не возникали случайно и не были готовой историей, которую я предлагала увидеть. Я возвращала человека к согласованной теме, направляла его внимание и задавала уточнения, а содержание образов и событий раскрывалось в его ответах.

Для публикации все имена изменены. Узнаваемые обстоятельства, личные и медицинские подробности удалены или обезличены, а повторы в диалогах сокращены. События и разговоры восстановлены по моим рабочим заметкам и памяти. Если точную формулировку невозможно восстановить, я передаю её по смыслу, сохраняя суть происшедшего.

Перед вами не попытка доказать природу образов, возникающих в трансе. Это документально-литературное исследование реальных сеансов и моего пути — от первых вопросов и сомнений к собственной практике.

ЧАСТЬ I. Первая дверь

Истории ещё кажутся отдельными делами. Но первые повторяющиеся улики уже ведут к самому проводнику.

ГЛАВА 01. День, когда жизнь разделилась на до и после

— Ты нас нашла.

Это было **21 января 2023 года** — день моего первого самостоятельного погружения.

За закрытыми шторами стоял январский день, но в комнате было почти темно. Горела только тусклая лампа. На кровати под пледом лежала моя первая погружаемая. Её глаза закрывала специальная маска. Я сидела рядом на обычном стуле. Под рукой были мой конспект и вопросы к первому самостоятельному сеансу.

Это была не кушетка в кабинете и не студия с дорогим оборудованием. Денег на отдельное помещение у меня тогда не было. Мы находились в моей съёмной квартире, и женщина, доверившаяся мне в этом первом опыте, лежала на той самой кровати, на которой мы каждую ночь спали с мужем.

Перед погружением она сформулировала запрос. Точных слов сейчас я уже не помню. Ей хотелось понять, куда двигаться дальше. Она много читала, медитировала, практиковала, но не видела направления.

Я ожидала чего угодно: воспоминаний из детства, отдельных образов, пауз, сомнений. Но не обращения ко мне.

— Ты нас нашла, — повторила она уверенно.

Моей первой мыслью было не восхищение и не чувство собственной исключительности. Я подумала, что она вообще не погрузилась. Может быть, решила проверить меня. Может быть, разыгрывает начинающего регрессолога, который сидит рядом с конспектом и старается не потерять нить первого сеанса.

Но любопытство оказалось сильнее недоверия.

— Что это значит? И вообще... кто вы?

Ответ прозвучал так, словно вопрос был понятен заранее:

— В последней прошлой жизни ты сказала, что больше не будешь к нам обращаться.

— Кому это?

— Тебе ещё это предстоит узнать.

Я передаю этот разговор по своим рабочим заметкам и так, как он остался в моей памяти. Я не хочу притворяться, будто могу поручиться за порядок каждого слова. Но его смысл я помню отчётливо: неизвестные собеседники утверждали, что уже знали меня; что прежде я обращалась к ним, чтобы общаться с душами; что однажды обещала больше этого не делать — и всё-таки вернулась.

Вернулась куда?

И кто такие «они»?

Страх не было. Было ощущение, будто в привычной комнате внезапно открылась дверь, которой секунду назад не существовало. Мне хотелось не закрыть её, а заглянуть дальше.

Я продолжила спрашивать.

Голос отвечал уверенно. Информация шла почти без остановки. Женщина под маской оставалась глубоко погружённой, а я всё сильнее забывала о тусклой лампе, конспекте и своей съёмной квартире. За несколько минут обычная комната стала для меня местом исследования чего-то, чему я пока не умела дать название.

Я ещё не знала, что похожие обращения будут повторяться в следующих сеансах. Что через эту же женщину мне снова скажут о моём неверии. Что появятся слова о свете, о проводнике и о пути, с которого я будто бы когда-то сошла. Тогда я не принимала ничего из этого как доказательство. Я только слушала и задавала следующий вопрос.

Сеанс продолжался около двух часов.

Когда он закончился, моя первая погружаемая открыла глаза и сказала, что ничего не помнит.

— Да как ты не помнишь? — не могла понять я. — Ты два часа была в сеансе.

— Нет. Я вообще ничего не помню.

Я стала рассказывать ей, что происходило: как менялся тембр, как речь становилась увереннее, как ответы следовали один за другим почти без пауз. Мы вместе восстанавливали детали, а я записывала то, что особенно поразило меня в первом опыте.

Наверное, именно тогда началось моё первое настоящее расследование.

Я ещё не знала, что оно началось немного раньше — во время обычного обеденного перерыва.

В тот период я работала официантом. Вокруг постоянно двигались люди: заказы, столы, касса, чужие просьбы, десятки мелких задач. Я очень хотела изменить свою жизнь, но пока не представляла, откуда должно прийти это изменение.

На одном из перерывов я ела и смотрела на телефоне ролики о регрессивном гипнозе. Моя будущая первая погружаемая работала кассиром. Она пришла на обед, заметила экран и сказала:

— О, классно. Я тоже была на таком сеансе.

Я посмотрела на неё с недоверием.

— Да ну. Это же выдумка. Такого не бывает. Мне кажется, это просто какие-то истории.

— Нет-нет-нет. Регрессивный гипноз действительно существует.

Она рассказала, что во время своего сеанса погружалась в детство. Для неё это оказалось интересным опытом. И главное — этому можно было научиться.

До того разговора ролики оставались роликами: чужими рассказами на экране, которые можно было выключить и забыть. Теперь передо мной сидел живой человек, лично переживший погружение. Одного этого оказалось достаточно, чтобы моё недоверие превратилось в вопрос: а что, если попробовать?

Я стала смотреть ещё больше материалов. Больше всего меня притягивали рассказы о прошлых жизнях и возможность общения с душами. Эта тема появилась в моей жизни гораздо раньше регрессии.

Когда мне было тринадцать лет, умерла мама. Мы остались втроём: папа, бабушка — мамина мама — и я. Через несколько лет не стало и бабушки. В те годы я смотрела сериал «Говорящая с призраками». Меня трогали не столько тайны и сверхъестественные события, сколько сами разговоры с ушедшими: возможность услышать душу, помочь ей и проводить к свету, к источнику.

Тогда это было только историей на экране. Я не могла знать, что однажды сяду на обычный стул возле собственной кровати и услышу через другого человека слова, обращённые ко мне.

После разговора на работе не прошло и месяца. Я прошла обучение. У меня были конспект, текст индукции и огромное желание попробовать. Чтобы сдать экзамен, нужно было провести самостоятельное погружение. Я спросила коллегу, согласится ли она стать первой. Ей самой было интересно, и она ответила без долгих раздумий.

Я не боялась, что не справлюсь. Возможно, мне просто не хватало опыта, чтобы заранее представить всё, что может произойти. Было внутреннее волнение, азарт и желание открыть дверь.

В январе 2023 года я её открыла.

После первого сеанса я рассказала обо всём мужу и отцу. Папа поддерживал меня с самого начала. А мне уже хотелось провести следующее погружение.

— Когда ты снова будешь готова? — спросила я свою первую участницу.

— Да вообще без проблем.

В какой-то период мы встречались по несколько раз в неделю. Каждый новый сеанс приносил очередную историю и новые обращения ко мне. Я читала книги, искала объяснения, сопоставляла услышанное и всё глубже входила в пространство, существование которого совсем недавно отрицала за обеденным столом.

Я не утверждаю, что в тот январский день получила доказательство прошлых жизней или объективный ответ на вопрос, кто говорил через человека в трансе. Я знаю другое: реальная женщина лежала передо мной с закрытыми глазами, говорила уверенно и почти без остановки, а после пробуждения не помнила двух часов своей речи. Я записала то, чего не сохранила её память, и эти заметки стали началом моего многолетнего исследования.

Для меня этого оказалось достаточно, чтобы начать расследование.

После первого погружения моя жизнь перестала быть прежней. Она разделилась не в тот момент, когда я нашла готовый ответ. Она разделилась в тот момент, когда я впервые поняла, сколько вопросов ещё предстоит задать.

И первый из них уже прозвучал в полутёмной комнате:

Кого именно я нашла?

«Иногда жизнь разделяется на „до“ и „после“ не ответом, а вопросом, от которого уже невозможно отвернуться».

ГЛАВА 02. Невеста в чёрном

— Он не мой.

Первой уликой оказался дом.

Участница видела влажные камни, мох и светлое дерево. Крыша казалась ей японской, а само строение будто было встроено в скалу. Я спросила, может ли она войти.

— Не могу.

— Почему?

— Он не мой.

Тогда эта фраза показалась мне всего лишь препятствием в начале погружения. Позже я пойму: вся история, которая ждала нас впереди, будет о доме — и о праве женщины считать его своим.

Как и перед другими погружениями, сначала мы обсудили собственный запрос участницы — то, что беспокоило её и что она хотела исследовать. Я не рассказывала ей заранее об английском поместье, музыкальной шкатулке или девушке в тёмном платье. Эти детали возникали в её ответах. Мои вопросы помогали удерживать внимание и двигаться вслед за уже появившимися образами.

Я предложила пройти дальше. За домом появилась тропинка, потом тоннель. Картинки менялись быстро: другой лес, солнечный свет, металлические трубы, странное животное, тёмная луна. Участница пыталась понять увиденное и беспокоилась, что мозг рисует случайные образы.

— Рассказывай первое, что приходит в голову. Не анализируй, — повторяла я.

Изображения продолжали сменять друг друга, пока в пустоте не возникло круглое зеркало, обрамлённое тканью, похожей на тяжёлую старинную драпировку.

— Подойди и посмотри в него. Что ты видишь?

— Девушку.

Светлые волосы были собраны в пучок. Светлая кожа. Тёмное платье с высоким воротом. Ботинки на небольшом каблуке, чтобы не запачкаться в грязи.

— Где она?

— Англия.

Девушка смотрела на себя словно со стороны. За зеркалом постепенно проступила комната в тёмных тонах. Я стала просить называть предметы один за другим, как будто мы осматривали место, в котором что-то произошло.

Бордовое кресло с гладкой обивкой.

Стеклянный столик.

Небольшой букет искусственных цветов, похожих на пионы.

Тёмно-коричневые занавески.

Старинный шкаф со стеклянной дверцей.

Внутри шкафа стояла музыкальная шкатулка.

— Открой её.

Участница открыла шкатулку, но мелодию описать не смогла. Мы поставили вещь обратно и продолжили осмотр. В комнате находился диван для гостей. Здесь принимали знакомых и возможных женихов.

Первые улики уже лежали перед нами, хотя я ещё не понимала, как они связаны: зеркало, тёмное платье, искусственные цветы и музыкальная шкатулка. Всё выглядело красивым, дорогим и неподвижным. Как комната, подготовленная не для жизни, а для соблюдения правил.

Я попросила девушку посмотреть на себя внимательнее. На ней были тёмная юбка, подъюбник и зашнурованные ботинки. Украшений не было. Она увидела голубые глаза и светлые волосы, собранные в пучок.

— Как тебя зовут?

— Анастасия.

Я попросила её перейти в один из главных дней этой жизни.

Это была часть метода, которым я тогда пользовалась: не подсказывать содержание следующей сцены, а предлагать перейти к значимому эпизоду и позволить сознанию участницы самому наполнить его. Направление перехода задавала я, но ни день рождения, ни подарок отца, ни дальнейшие события заранее не называла.

Первым пришёл день рождения.

— Папочка подарит мне подарок.

— Какой?

— Шкатулку.

Ту самую музыкальную шкатулку из шкафа.

Память словно перелистнула страницу. Только что отец был рядом и вручал подарок, а в следующей реплике Анастасия уже говорила, что его больше нет. Шкатулка оказалась не украшением комнаты, а последней вещью, в которой ещё звучало присутствие папы.

Я попросила перейти в день его смерти.

Анастасия говорила о похоронах отрывочно. Собрались люди, но сама она повторяла, что не пойдёт — или что ей нельзя идти. В моих заметках причина осталась неясной. Она осталась в доме, пока всё необходимое делали другие.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Я осталась одна.

За этой фразой сразу возникло поместье.

— Теперь оно моё. Нужно выбрать мужа, чтобы он помог его сохранить.

Дом перешёл к Анастасии, но вместе с ним ей достались счета и обязанности, которым её никто не учил.

— Я разбираюсь со счетами.

— Тяжело?

— Господи, меня этому не учили.

— Как справляешься?

— Приходится.

Одно слово объясняло больше, чем длинный рассказ. Семнадцатилетняя девушка получила наследство, которым не могла полноценно распоряжаться. Чтобы удержать отцовский дом, ей требовался муж. По крайней мере, именно так были устроены правила мира, возникшего в трансе.

Я перевела её в день, когда должны были выбирать жениха.

Появился бал.

Анастасия собиралась выйти из дома, но всё ещё носила траур по отцу. Ей хотелось надеть персиковое платье.

— Но его нельзя.

— Почему?

— Траур нужно долго держать.

Персиковое платье стало ещё одной уликой. Оно было первым ярким цветом в комнате, полной коричневого, бордового и чёрного. Это был простой выбор семнадцатилетней девушки — и даже его она не могла сделать.

Без сопровождения женщине выходить не полагалось. Должен был приехать дядя. Анастасия назвала его строгим. Он сопровождал её на бал, где вокруг были музыка, нарядные люди и мужчины, из которых следовало выбрать будущего мужа.

— Тебе кто-нибудь нравится?

— Никто.

— Тебе нужно выбрать кавалера?

— Я не хочу никого выбирать.

Я продолжала вести её от одного «важного дня» к другому. В какой-то момент участница сказала, что устала и ничего не видит. Вместо того чтобы остановиться, я попросила вернуться немного назад и продолжила поиск.

Это тоже часть протокола этой истории.

Я была в начале пути и верила: если образ появился, его нужно довести до развязки. Я ещё не всегда различала границу между помощью участнику и собственным желанием обязательно раскрыть дело до конца.

Постепенно выяснилось, что решение уже приняли за Анастасию. Ей предстояло выйти замуж за пожилого мужчину. За ужином дядя сообщил об этом как о чём-то решённом.

— Что ты чувствуешь? — спросила я.

— Я хочу жить в доме, где был папа.

Она ещё не была готова уходить из него. Но дядя, по её словам, не стал бы слушать её, потому что она женщина.

— Ты согласна? — спросил дядя.

— Если вы так желаете, — ответила Анастасия.

А затем прозвучала фраза, которая собрала все предметы комнаты в одну историю:

— Я не могу не согласиться.

Тёмное платье оказалось не просто одеждой эпохи, а трауром.

Музыкальная шкатулка — последней связью с отцом.

Комната для гостей — местом, где её будущее обсуждали другие.

Персиковое платье — правом на собственное желание, которого ей не оставили.

А дом, считавшийся её наследством, превратился в причину сделки, в которой распоряжались уже не только имуществом, но и самой Анастасией.

Дальше история привела нас к её смерти. Я не стану описывать способ. Внутри трансового рассказа Анастасия решила не просыпаться в жизни, где любое её согласие было получено заранее.

После перехода, который направляла я, она увидела себя со стороны — всё в том же тёмном платье.

Наступила зима. Земля промёрзла. По моим заметкам, на похороны пришло немного людей — Анастасия называла только соседей. Отец когда-то оставил дочери дом и музыкальную шкатулку. После неё самой остались тёмное платье, несколько провожающих и поместье, которое продолжило переходить по наследству.

Анастасия хотела любой ценой остаться в доме, где жил папа. Но её уход не сохранил дом для неё. Поместье осталось стоять и принадлежать следующим владельцам, а девушка исчезла из собственной истории.

Когда образ тела остался позади, я задала вопрос:

— Зачем душа пришла в эту жизнь? Какой урок должна была пройти?

В ответ прозвучало: «Понять, как хороша жизнь».

Позже, в разговоре с подсознанием, появилась формула о любви к себе. Также прозвучало, что в другой жизни этот урок будто бы был продолжен и завершён.

Тогда эти ответы казались мне правильным финалом: трагедия получила объяснение, незавершённый урок — продолжение, а душа — новый путь.

Но сегодня я слышу этот фрагмент иначе.

Вопрос об «уроке» задала я. Следом я сама предложила версию, что Анастасия отказалась его проходить, и получила короткое подтверждение. Поэтому я не могу написать, будто все выводы возникли независимо от моих формулировок.

Но вывод в конце и сама история — не одно и то же. До разговора об уроках участница уже самостоятельно назвала дом, Англию, имя Анастасия, музыкальную шкатулку, смерть отца, траур, запрещённое платье, дядю и навязанный брак. Мои вопросы соединяли эти детали и уточняли их, но не сообщали ей готовую биографию.

И всё же я не хочу превращать это погружение только в психологическую притчу о правах женщины. Для нас в комнате происходило исследование прошлой жизни. Участница называла Англию, имя Анастасия, возраст, музыкальную шкатулку, смерть отца, поместье, траур, персиковое платье и фразу «Я не могу не согласиться». У меня нет внешнего исторического подтверждения этой биографии, но его отсутствие не даёт мне права отрицать открывшийся участнице мир. Я могу честно сохранить то, как последовательно он разворачивался в трансе, и оставить читателю собственное решение о его природе.

Это не делает рассказ вымышленным и не отменяет образы, возникшие относительно самостоятельно. В регрессии всегда присутствуют двое: человек приносит свой запрос и рассказывает то, что видит, а ведущая задаёт маршрут, удерживает внимание и помогает раскрывать детали. Вопрос может открыть следующую дверь, но он не обязательно создаёт комнату за ней.

Я не хочу превращать смерть Анастасии в красивую трагедию и тем более судить её за «непройденный урок». Гораздо важнее другой вопрос: почему семнадцатилетней девушке оставили только выбор между потерей дома и потерей себя?

Возможно, именно поэтому первой уликой был чужой дом в скале.

«Он не мой», — сказала участница и не смогла войти.

Потом зеркало привело её в поместье, которое внутри этой жизни принадлежало Анастасии. Но чем дальше мы шли, тем яснее становилось: и этим домом распоряжались другие. Как и её платьем. Как и её будущим. Как и правом произнести настоящее «нет».

Когда сеанс закончился, у меня осталась комната с искусственными цветами и музыкальной шкатулкой в шкафу. В ней всё было расставлено красиво и правильно — кроме самой жизни хозяйки.

Так появилось моё первое настоящее дело.

Я искала прошлую жизнь, а обнаружила преступление без единственного преступника: порядок, в котором согласие женщины ничего не меняло.

И всё же одна улика не давала мне покоя.

Как отличить дверь, которую мой вопрос только помог открыть, от двери, форму которой он невольно подсказал?

«Дом не становится твоим, пока в нём тебе не принадлежит право сказать „нет“».

ГЛАВА 03. Мальчик, который не помнил лета

Перчатки промокли насквозь.

Это была первая деталь, которая заставила меня увидеть мальчика почти так же ясно, как видела его участница.

Морозный день. Снег. Ребёнок лет шести или семи играл один возле места, похожего на горнолыжный курорт. Он лепил снежки и искренне радовался всему вокруг. На нём был лоскутный комбинезон — тёмно-синий с грязно-розовыми вставками, серые ботинки и шапка, завязанная под подбородком.

— Посмотри на руки. Что на них?

— Промокшие насквозь перчатки.

Не варежки — именно перчатки. Эта маленькая поправка сделала картину живой. Ребёнок не был безымянным символом из далёкого прошлого. У него были мокрые пальцы, любимая игра и мама, которая уже звала его с холода.

Она пришла в длинной юбке и тёплом фиолетовом плаще. Мальчик хотел показать ей, как хорошо умеет лепить снежки, но пора было возвращаться в тепло.

В кафе пахло свежими булочками. Рядом сидел папа, купивший семейную поездку. Участница назвала его моряком.

— Как к тебе относятся родители?

— Меня любят.

— Как мама тебя называет?

— Никита.

Так у мальчика появилось имя.

В предыдущем деле улики прятались в тёмной комнате: искусственные цветы, музыкальная шкатулка, запрещённое персиковое платье. Здесь всё было открытым и тёплым. Снег, булочки, мама и папа. Никакой угрозы.

Именно поэтому дальнейшая история оказалась такой сильной.

Я попросила Никиту показать самый важный день. Затем мы оказались дома. Там был красный телефон с диском, который нужно было крутить пальцем, старый телевизор на высоких ножках, хоккей и папины газеты. Цифры и надписи распознавались плохо, поэтому я не стала превращать их в точный исторический год. Гораздо важнее было другое: мир мальчика оставался маленьким, узнаваемым и безопасным.

Папа часто находился на работе. Мама была дома, но однажды Никита услышал, как она нервничает и сердито разговаривает на кухне. Она ругалась из-за того, что мужа снова нет рядом. Мальчик стоял неподалёку и слушал, пока мама не заметила его.

— Никита, ну что ты здесь стоишь? Иди поиграй.

Он ушёл играть. Родительская ссора не стала для него доказательством, что семья рушится. В его мире мама и папа всё равно оставались вместе, а значит, дом продолжал быть полным.

Я попросила показать день, когда ему было очень грустно.

— Мне не бывает грустно.

— Почему?

— У меня же мама.

В этой фразе не было ни теории, ни красивой мудрости взрослого человека. Для ребёнка присутствие мамы само по себе означало, что настоящей беды быть не может.

Он рассказывал о дне рождения, торте и подарке. Потом я стала расспрашивать о времени года.

— Зима была долгой?

Никита замолчал, словно попытался пролистать память вперёд.

— Я почему-то не помню лето.

— Не помнишь лето?

— Я помню весну.

Через несколько секунд он повторил:

— Я почему-то не помню лета.

Это была улика, значение которой мы ещё не понимали.

Я попросила перейти в весну.

Никита оказался на высоком подоконнике. За окном зеленели первые листья. На улице было грязно, но скоро можно было играть в футбол. Мальчик хотел выйти гулять и ждал маму.

В моей памяти он несколько раз просился на улицу: гулять, гулять, гулять. Мама была занята на кухне и не могла подойти сразу. В рабочих заметках сохранился и короткий обмен:

— Мама, посмотри!

— Сейчас приду.

Окно было открыто. Никита потянулся, чтобы лучше увидеть весенние деревья, потерял равновесие — и на этом его воспоминания о жизни оборвались.

Вот почему в его рассказе не было лета.

Он до него не дожил.

В тот момент произошло нечто важное не только для истории Никиты, но и для моей собственной истории как ведущей.

Я продолжила вести его дальше, к моменту после падения.

— Я не хочу, — ответил он. — Я не хочу умирать. Я хочу жить.

Я ненадолго отвела его назад и спросила, что привело к случившемуся. Никита снова увидел хорошую погоду, зелёные листья и своё желание пойти гулять. Затем я вновь предложила посмотреть на произошедшее со стороны.

Позже, когда разговор приблизился к прощанию с телом и похоронам, прозвучал ещё один отказ:

— Не хочу.

Но я продолжила.

Я была в начале пути, следовала изученной последовательности и верила, что тяжёлую сцену важно провести до завершения. Эта часть моего понимания не исчезла: если болезненный образ уже открылся, я и сегодня не считаю страх достаточной причиной немедленно оборвать исследование.

Для меня слова «не хочу» могут означать не только окончательное решение прекратить сеанс, но и естественный страх перед памятью, к которой человек приблизился. Если подсознание допустило образ, возможно, человек уже подошёл к тому, что способен увидеть, осознать и перестать нести в себе вслепую.

Разница между моим началом и сегодняшней работой не в том, что теперь я обязательно закрыла бы дверь. Сегодня я замедлила бы движение, укрепила опору, проверила контакт и помогла человеку пройти сцену в доступном ему темпе. Не решила бы заранее, что он не справится, но и не оставила бы его одного перед открывшейся болью.

И всё же полностью убрать продолжение означало бы потерять самую трагическую часть дела — то, как одна весенняя минута изменила судьбу всей семьи.

Следующие образы появились уже после моего прямого предложения смотреть на случившееся вне тела. Это важно: я не могу написать, будто участница сама свободно выбрала такой переход.

Никита увидел маму, бегущую по лестнице. Она звала его. Потом кричала и плакала, прижимая ребёнка к себе. В этой сцене не было ничего мистически красивого. Только мать,

которая несколько секунд назад обещала прийти, — и теперь уже не могла изменить произошедшее.

Это не история о виноватой матери. Ребёнок сделал обычное движение к открытому окну, и несчастье произошло за несколько секунд. В трансовом рассказе никто не обвинял её; сам Никита прежде объяснил отсутствие грусти простыми словами: «У меня же мама».

Я не буду описывать состояние тела или действия приехавших людей. Для истории важнее голос мамы и то, как мгновенно исчез безопасный мир из тёплых булочек, хоккея и красного телефона.

На похоронах мама была в чёрном. Папа стоял рядом и казался злым. Внутри трансового рассказа их общая жизнь после потери начала распадаться.

Я спросила Никиту, что стало с родителями дальше.

Он увидел, что они расстались. Мама со временем снова вышла замуж. У неё появилась дочь. Она была счастлива, но продолжала помнить сына.

По моему ясному воспоминанию о сеансе, Никита наблюдал за младшей сестрёнкой и оберегал её. Я передаю это не как точную цитату, а как деталь, которой мне запомнилось продолжение истории: мальчик, которому самому не дали вырасти, оставался рядом как старший брат.

Папа, по словам Никиты в трансе, другой семьи не создал. Он жил долго, но один и начал много пить.

Эти ответы нельзя считать проверенной биографией неизвестной семьи. Мы не разыскивали документы и не устанавливали, существовали ли когда-либо такие люди. Но внутри сеанса история не закончилась смертью ребёнка. Она показала расходящиеся судьбы: мама смогла продолжить жизнь и снова стать матерью, папа остался внутри потери, а Никита будто наблюдал за ними с другой стороны.

Вот это продолжение я не хочу превращать только в психологическую метафору. В комнате шло исследование прошлой жизни — именно так понимали происходящее мы обе. Я не могу доказать читателю буквальную природу увиденного, но не имею права задним числом вычеркнуть из книги тот опыт, который действительно разворачивался в трансе.

После тяжёлой сцены я задала привычные вопросы:

— Зачем ты пришёл в эту жизнь? С какими уроками? Чему должен был научиться?

Никита будто не понял самой постановки вопроса.

— Какие уроки?

— Чему ты должен был научиться?

— Я не успел ничему научиться.

— Тогда для чего приходил? Что хотел сделать?

— Жить. Любить.

Он говорил о полной семье. О маме и папе вместе. О том, что наконец смог понять: его любят.

Я всё ещё искала смысл, который можно было бы назвать итогом короткой жизни. Позже, обращаясь к тому, что тогда называла подсознанием, я снова спросила:

— Чему должен был научиться этот мальчик?

Ответ разрушил саму необходимость искать урок:

— Он не приходил учиться.

— А для чего он приходил?

— Он приходил просто пожить.

Некоторые фразы в сеансах казались мне посланиями о других мирах. Эта была сильнее именно потому, что не обещала ничего сверхъестественного.

Жизнь могла не оказаться экзаменом. Не каждую потерю требовалось объяснять уроком, долгом души или заранее выбранной программой. Иногда ребёнок приходил, чтобы лепить

снежки в промокших перчатках. Есть тёплые булочки. Смотреть хоккей. Ждать лета. Знать, что у него есть мама.

И быть любимым.

В том же сеансе позднее прозвучала ещё одна фраза — уже от собеседника, назвавшего себя Николаем. Когда я спросила, почему он не помогает участнице без её ведома, он ответил: — Она не просила. Я не буду ничего делать, пока не попросит.

На первый взгляд здесь возникало противоречие: голос внутри транс говорил о необходимости просьбы, а несколькими минутами раньше я продолжила после двух «не хочу».

Сегодня я понимаю это различие точнее. Согласие не означает, что при первом страхе нужно бросить человека перед незавершённой сценой. Оно означает, что путь нельзя проходить вместо него. Можно помочь приблизиться к боли, удержать рядом настоящее и найти смысл в том, что открылось, но нельзя присвоить себе право решать, что человек обязан чувствовать и какой вывод должен сделать.

В одном из более поздних сеансов человек снова отказался идти дальше:

— Нет, я не хочу.

И в тот раз я ответила иначе:

— Всё только с твоего согласия.

Между этими двумя записями находится мой настоящий профессиональный путь. Не от незнания к всезнанию и не от слабости к особому дару. От желания во что бы то ни стало раскрыть историю — к способности различать закрытую дверь и страх перед уже открывшимся проходом. Не толкать человека вперёд приказом, но и не отнимать у него возможность пройти то, к чему привела его собственная память.

Но в тот первый раз Никита всё-таки оставил мне ответ.

Не о смерти. Не о наказании. Не о непройденном уроке.

О жизни, которая успела состояться даже без лета.

Он приходил просто пожить.

«Жизнь измеряется не количеством прожитых лет, а тем, успел ли человек любить и быть любимым».

ГЛАВА 04. Та, что осталась волчицей

Волки стояли у окна.

Их было несколько. Они не скалились, не бросались на стекло и не пытались попасть в дом. Просто смотрели на молодую женщину, которая находилась внутри.

— Ты боишься их?

— Нет.

— Почему?

— Они мои друзья.

Это была первая улика, разрушившая привычный ход истории. В сказках волки приходят из леса, чтобы напасть на человека. Здесь они пришли проверить, жива ли та, кого люди называли своей дочерью и женой.

Но тогда мы ещё не знали, кого именно они собирались защищать — и от кого.

Настоящее расследование началось немного раньше, в ночном саду.

После завершения первой трансовой истории я попросила участницу перейти в другой фрагмент, который было важно увидеть. Перед ней возникла темнота. Постепенно она различила сад, похожий на лабиринт, и молодую девушку, бегущую между деревьями.

На ней было светлое платье с корсетом. Волосы вились. Ей было девятнадцать лет. Она торопилась на тайную встречу и чувствовала не страх, а радость.

В саду её ждал светловолосый юноша в военной форме. Встречаться открыто им не разрешали, поэтому они приходили сюда по вечерам и разговаривали через ограду, будто даже близость между ними должна была оставаться разделённой.

— Как тебя зовут?

— Анастасия.

Это имя уже возникало в другом сеансе, в истории девушки с музыкальной шкатулкой и персиковым платьем. Но передо мной была другая участница, и картины не имели между собой ничего общего. Я не стала соединять их только из-за совпадения имени. В расследовании совпадение может быть уликой, а может оказаться обычным совпадением. Честность требует различать одно и другое.

Я попросила Анастасию перейти в один из главных дней её жизни.

Сад исчез.

Теперь девушка сидела рядом с родителями. Они казались ей королём и королевой. Впереди собрались люди, и сначала происходящее напоминало важный дворцовый приём, устроенный ради государственных дел отца.

Но отец сказал дочери:

— Тебя выберут.

Анастасия ещё не понимала, что эти слова означают.

Перед ней появился взрослый, крупный мужчина с усами. Он показался ей нелепым. Возможно, в первую секунду она решила, что всё происходящее — странная игра взрослых, которую скоро прекратят.

Никто не прекратил.

Мужчина объявил, что она пойдёт с ним.

Девушка отказалась. Стала сопротивляться. Но он схватил её и заставил сесть в карету. Мать и отец находились рядом и ничего не сделали.

Коричневые лошади повезли их прочь от дворца. Был день, но дорога уходила в закат.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Ко мне. Будешь там жить.

Несколько минут назад Анастасия бежала по саду к юноше, которого выбрала сама. Теперь её увозил человек, которого выбрали за неё.

Она ещё не знала, что дворец больше не будет её домом.

Следующий важный день начался ночью.

Анастасия стояла у окна небольшого дома возле леса. От прежней жизни не осталось ни королевских залов, ни торжественных встреч. Она описала себя и мужчину почти как простых крестьян. Стирала вещи, жила в стороне от семьи и, кажется, уже поняла: тот, кому её отдали, оказался совсем не тем человеком, каким его представляли родители.

За стеклом показались волки.

Они давно знали её. Анастасия не разговаривала с ними человеческими словами, но чувствовала, что они понимают. Она рассказывала им о своей жизни — не приказывала, не просила о мести и, как сама подчёркивала, даже не жаловалась.

— А как вы с ними общаетесь? Как ты их зовёшь?

Вместо объяснения участница сделала это прямо во время сеанса.

Она набрала воздух и протяжно позвала:

— Ау-у-у...

Я очень ясно помню этот момент. До него мы только слушали рассказ о девушке и волках. Теперь участница не описывала, как Анастасия обращалась к стае, а словно на несколько секунд позволила её голосу прозвучать в комнате.

Волчий зов стал ещё одной уликой: связь с лесом ощущалась ею не как случайная встреча и не как приручение диких животных. Она будто вспоминала язык, которым уже умела пользоваться.

Когда мужчина вернулся, два волка бросились на него.

Я спросила:

— Ты велела им это сделать?

— Нет.

— Просила помочь тебе?

— Я не просила.

Я повторила вопрос ещё раз, пытаясь установить причину нападения. Ответ не изменился: волки решили сами.

Участница не описывала их как послушное оружие девушки. Стая действовала не по приказу. Она словно вынесла собственное решение после всего, что услышала у окна.

Я стала расспрашивать, что произошло дальше. Здесь участница впервые остановила меня:

— Не надо смотреть.

Эти слова требовали внимания. Но я не воспринимала их как безусловный приказ навсегда закрыть сцену.

Я верила — и продолжаю верить, — что открывшийся тяжёлый эпизод часто необходимо пройти до понимания, иначе человек может унести с собой ту же незавершённость. Поэтому ответила по смыслу так: это нужно прожить, чтобы понять и отпустить.

И продолжила задавать вопросы.

Я не стану описывать последствия нападения. Они ничего не добавят ни к судьбе девушки, ни к смыслу главы. Важнее другое: участница сказала «не надо», а я услышала в её словах страх перед историей, которая уже открылась и просила завершения.

В предыдущем деле мальчик Никита дважды говорил: «Не хочу». Теперь страх прозвучал снова. Так рядом с расследованиями чужих судеб постепенно собиралось ещё одно дело — как проводить человека через болезненный образ, не лишая его ни опоры, ни права на собственное переживание.

Я продолжила искать связь между девушкой и стаей.

Анастасия сказала, что бегают вместе с волками.

— Как ты бегаешь с ними?

— Я такая же.

Тогда я задала закрытый вопрос:

— Ты тоже волчица?

Она согласилась.

Это принципиальная деталь, но её важно передать точно. Я не принесла образ волчицы извне: участница уже сказала, что бегают со стаей и что она «такая же». Мой закрытый вопрос уточнил смысл её слов и дал образу название. Он повлиял на дальнейший маршрут, но не возник на пустом месте.

Я попросила вернуться в первый день, когда она смогла принять иной облик.

Сначала возникла младенческая люлька. Мать и отец смотрели на новорождённую и замечали на её пальцах необычные когти. Они вышли из комнаты, чтобы решить, что делать, а затем стали скрывать ребёнка от посторонних.

Когда девочке исполнилось пять лет, её начало тянуть в лес. Ночь не пугала её. Наоборот, в темноте было что-то знакомое.

Она убежала из дома, вошла между деревьями, перекувырнулась — и оказалась на четырёх лапах.

— Что ты чувствуешь?

— Я свободна.

Не боль. Не ужас. Не потерю человеческого тела.

Свободу.

Шерсть на спине была серой, снизу — светлой, почти желтовато-белой. Она могла быстро бежать. Волки приносили ей еду и принимали рядом с собой, хотя сами не превращались в людей.

У стаи был большой вожак.

— Ты боишься его?

— Нет. Он меня уважает и принимает.

Эти два слова стали главной уликой всего сеанса.

Принимает.

Девочка родилась во дворце, но там её особенность прятали. Она была дочерью короля, но её судьбу решили без неё. Человек, которого она любила, остался за оградой ночного сада. Родители позволили чужому мужчине увести её силой.

А стая, которую любой человек в том мире назвал бы дикой и опасной, не потребовала от неё стать другой.

Я спросила, любил ли её отец.

По смыслу ответа — любил. Но для него оказалось важнее, чтобы дочь соответствовала человеческому миру и его правилам. Он не мог допустить, чтобы окружающие узнали о её второй природе.

Позднее в сеансе возникла ещё одна версия: возможно, отец отдал дочь в обмен на власть или положение. Эта мысль звучала эффектно, почти как окончательная разгадка. Но она появилась не сама по себе. Я предложила участнице несколько возможных причин и своими вопросами подвела её к теме обмена.

Поэтому я не могу выдать эту версию за установленный факт.

Она остаётся последней неподтверждённой уликой.

Достовернее внутри самой трансовой истории было другое: Анастасия чувствовала, что родители её не приняли и избавились от неё. После этого она больше не захотела возвращаться в человеческий облик.

Она могла это сделать.

Просто не хотела.

Я попросила перейти в последний день той жизни.

Анастасия увидела себя старой волчицей. Сколько лет прошло, она сказать не смогла: в стае время не считали по-человечески. У неё была своя семья. Лес давно перестал быть местом, куда она тайком убегала из дворца. Он стал домом.

Она лежала на поляне. Свет был тёплым, закатным. Рядом оставались те, кто прожил с ней её настоящую жизнь.

— Что ты чувствуешь?

— Мне хорошо в лесу.

Она жалела о людях, которых когда-то оставила, но не хотела вернуться. Волков не считала виновными в смерти мужчины.

— Они сами так решили, — объяснила она. — Они меня защищали.

Старая волчица смотрела на закат, пока дыхание не стало тише. Потом увидела своё тело со стороны и ушла из него.

Без дворца.

Без кареты.

Без разрешения отца.

Свободной.

После выхода из той жизни я спросила душу, зачем был выбран путь девушки, способной становиться волчицей. Ответ сохранился в моих материалах фрагментарно, поэтому я не стану превращать его в точную цитату. Но один смысл повторялся и совпадал со всей увиденной историей: принятие собственного облика.

Дворец учил Анастасию скрываться. Отец хотел сохранить её человечность такой, какой понимал её сам. Чужой мужчина получил право распоряжаться её жизнью. Только в лесу от неё не потребовали отказаться от части себя.

Возможно, задача этой жизни заключалась не в выборе между человеком и волком. Возможно — в праве принять себя целиком, даже если ни один из окружающих миров не умеет назвать твою природу правильно.

Но сеанс не завершился вместе с жизнью волчицы.

Позднее я сама попросила открыть пространство, в котором можно поговорить с душой или наставником, способным ответить на вопросы. Поэтому следующий собеседник не появился без приглашения: я целенаправленно позвала того, кто готов был прийти.

Участница почувствовала присутствие.

— Как я могу к вам обращаться?

— Гость.

Я попросила направить на него свет, чтобы рассмотреть яснее. Но даже внутри белого свечения фигура оставалась чёрной — не угрожающей и не нападающей, а просто тёмной, почти плоской.

В тот период одного этого признака мне могло хватить, чтобы насторожиться. Однако Гость не говорил о власти, страхе или подчинении.

Он сказал, что пришёл с посланием для меня.

— Нам нужно дать свет.

— Я даю мало света?

— Мало.

— Как мне давать больше?

— Учись.

Затем появились ещё две короткие формулы:

— Быть ярче.

— Открыться.

Чёрная фигура говорила о свете.

Я не знаю, кем был этот Гость внутри трансового пространства. Он не назвался Александром. Не объявил себя тёмной сущностью и не объяснил, почему сохранял чёрный облик даже в потоке света. Поэтому я не стану присоединять его к уже знакомым именам или придумывать ему природу.

Для моего исследования важнее другое: внешний вид собеседника и смысл его слов не совпали. Чёрное не стало автоматически злым, как волки не оказались чудовищами только потому, что люди привыкли их бояться.

В одной встрече дважды повторилась одна и та же ошибка первого взгляда.

Стая у окна оказалась защитой.

Безымянный чёрный Гость заговорил о свете.

Я не знаю, была ли эта история воспоминанием о прошлой жизни, самостоятельной вселенной, открывшейся в трансе, или особым языком души, рассказывающим о свободе и принятии. Я не выбираю одну версию, чтобы отменить остальные. Мир волчицы имеет право остаться таким, каким его увидела участница.

Но я знаю, что эта история действительно разворачивалась во время сеанса. Она не была заранее написана мной. Я не предлагала участнице ни ночного дворцового сада, ни тайного возлюбленного, ни кареты, ни волков у окна, ни старую волчицу на закате. Эти образы сообщала она.

Мои вопросы помогали двигаться внутри истории и одновременно влияли на её форму. Я уточнила её слова формулой «ты тоже волчица?», предлагала возможные причины поступков отца и продолжила после просьбы не смотреть. Честность требует показать это влияние, но влияние ведущей не означает, что всё содержание было ею внушено.

Если убрать эти обстоятельства, получится более безупречная мистика — и менее правдивая книга.

Для меня регрессология постепенно становилась искусством одновременно хранить тайну иных миров и различать собственную ответственность: где человек свободно разворачивает образ, где вопрос помогает ему приблизиться, где уточнение сужает возможный ответ, а где ведущая рискует услышать то, что надеется услышать. Такая честность не разрушает мистику — она бережёт увиденное от подмены.

В начале сеанса я помогала участнице открыть дверь, которая долго не поддавалась. Я верила, что за ней может находиться ответ и моя задача — помочь человеку приблизиться к нему.

Я верю в это и сегодня, но понимаю сопровождение точнее. Страх не всегда означает, что дверь должна остаться закрытой. Иногда он показывает, насколько важное переживание находится за порогом. Тогда нужно не толкать человека внутрь и не решать за него, как он будет себя чувствовать, а замедлиться, сохранить контакт и пройти открывшийся путь вместе. Осознание не стирает произошедшего, но способно освободить от тяжести памяти, которую человек прежде нёс, не понимая её.

Но история волчицы всё-таки оставила нам свой вопрос.

Кого в ней следовало бояться?

Волков, которые пришли к окну и защитили ту, кого приняли в стаю?

Или людей, которые называли её дочерью, но решили за неё, кого любить, где жить и какой ей позволено быть?

В материалах этого дела нет окончательного ответа.

Есть только девушка, которую люди увезли из дома в карете, — и волчица, которая умерла в своём лесу свободной.

«Иногда лишь те, кого называют дикими, умеют принять нас без попытки приручить».

ГЛАВА 05. Кукла в витрине

— Вот здание с витриной. Я бы туда посмотрела.

Вера стояла посреди огромного шумного города.

Несколько минут назад вокруг неё была сухая земля с мёртвыми деревьями. Потом пространство сменилось: она увидела город с крыши высокого дома, спустилась по пожарной лестнице и оказалась среди машин, сигналов, гигантских экранов и человеческой суеты.

Вдалеке показались пальмы и океан.

— Это Лос-Анджелес.

Она говорила от первого лица, будто не наблюдала за неизвестной женщиной, а уже находилась внутри её жизни. На ней были шорты и короткий топ. Она чувствовала тёплый воздух, видела свои стройные ноги, но не могла рассмотреть лицо.

Поэтому я спросила, нет ли рядом зеркала или другой отражающей поверхности.

Вера сама выбрала витрину.

В отражении появилась молодая высокая женщина с тёмной кожей, короткими кудрявыми волосами, большими глазами и белыми зубами. Вера долго перечисляла детали её внешности, словно рассматривала человека, чья красота не требовала доказательств.

— Молодая. Красивая. Стройная. Лёгкая.

Это слово — **лёгкая** — повторилось несколько раз.

За женщиной словно не тянулось ничего тяжёлого. Ни забот, ни усталости, ни необходимости бороться за место в жизни.

Так казалось у витрины.

Её звали Джессика.

У неё был большой дом с видом на океан, муж и двое детей — мальчик и девочка одного возраста. Муж любил её. В доме было всё, что могло бы подтвердить простую и благополучную жизнь.

Я предложила немного побыть рядом с семьёй.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Куда тебе хочется?

— На океан.

Там был закат, волны и красивое небо. Джессике хотелось смотреть на воду, а не оставаться среди людей, которые считались её близкими.

Тогда я ещё не поняла, что это была первая улика.

Я попросила показать один из главных дней её жизни.

Вера увидела праздник на крыше дома. Воздушные шары, накрытый стол, множество еды и около десяти гостей. Все пришли ради Джессики. Все радовались ей.

Но сама она смотрела на них так, будто попала на чужой праздник.

— Они мне все радуются, а мне не весело.

— Что тебя расстраивает?

— Я не знаю.

Мы задержались у праздничного стола. Я просила описывать детали, надеясь, что среди них обнаружится причина.

— Они все чужие, как будто бы. Я не знаю, чему они радуются. Я с ними — и не понимаю их. Как будто у всех праздник, а я чувствую себя чужой на этом празднике.

Внешне Джессика находилась в центре происходящего. Внутренне её там не было.

Следующий главный день открылся белым платьем, зелёным газоном, алтарём под открытым небом и рядами стульев для гостей.

Это была её свадьба.

Жених стоял рядом. Но, глядя на него, Джессика хотела увидеть другое лицо.

— Мне хочется, чтобы это был другой человек.

Рядом находилась её мама. Вера сказала, что Джессика любила её. Среди множества гостей это чувство прозвучало ясно — как будто любовь существовала, но была направлена не туда, где её ожидали увидеть.

Потом появились новорождённые близнецы.

Джессика держала мальчика и девочку на руках. Муж стоял рядом, счастливый, и смотрел на детей.

— Я вижу, как он рад, — сказала Вера. И после короткой паузы добавила: — Я его не люблю.

В её рассказе не было ненависти к мужу. Не было обвинения или желания причинить ему боль. Было другое: человек рядом отдавал ей чувство, на которое внутри не возникало ответа.

Дом, океан, свадьба, дети, любовь мужа — всё находилось на своих местах.

Кроме самой Джессики.

Я попросила перейти в последний день её жизни.

Но Вера увидела не дорогу и не машину.

Сначала она увидела детей.

— Я как будто смотрю на них, но они меня не видят.

Рядом с ними находилась другая женщина — возможно, няня. Джессика пыталась понять, где она и почему никто не замечает её присутствия.

Картина начиналась уже после смерти.

Я предложила вернуться немного назад и посмотреть, что к ней привело.

Появилась машина. Музыка. Джессика ехала домой и танцевала за рулём. Дорога была узкой, с горой по одну сторону. Потом произошло столкновение.

— Авария.

И почти сразу:

— Но я не верю, что умерла. Я как будто продолжаю жить.

Она стояла возле разбитой машины. Вокруг собирались люди. Внутри оставалось её тело, а сама Джессика всё ещё считала себя той женщиной, которая только что слушала музыку и возвращалась домой.

Она не могла сразу признать собственную смерть.

Возможно, поэтому первый образ последнего дня показал её дома рядом с детьми. Она уже была невидимой, но ещё продолжала привычное движение своей жизни: смотрела на них и не понимала, почему они не отвечают.

Когда история закончилась, я спросила, для чего Вере показали именно эту жизнь.

Ответ дал тот голос, который тогда я называла подсознанием:

— Научиться любить того, кто любит тебя.

Вера добавила:

— Больно так говорить.

На этом первое расследование Джессики могло закончиться.

Женщина не любила мужа, хотя он любил её. Искала другого. Не сумела почувствовать себя своей среди семьи и друзей. Умерла и не смогла сразу уйти от детей.

Вывод казался понятным: она не приняла любовь, которая уже находилась рядом.

Но он был слишком простым.

В нём Джессика почти незаметно превращалась в виноватую. Ей дали красивую жизнь — а она не оценила. Её любили — а она не ответила. У неё были дети — а сердце не изменилось.

Тогда я ещё не знала, что мы увидели только внешнюю сторону витрины.

После истории Джессики первое путешествие Веры продолжилось.

Вместо другого человеческого дома возникло чёрное небо и огромное близкое солнце. Вера видела множество планет и звёзд, но не могла найти у себя привычного тела.

— Я что-то живое. Но не знаю, что это.

Рядом находилось много таких же существ. На мой вопрос об их задаче Вера ответила, что они оберегают Землю и управляют чем-то вокруг неё.

— Здесь жизнь бесконечна?

— Здесь нет времени. Нет отрезка, когда она закончится.

Я не соединяю эту картину с Джессикой. Вера не говорила, что женщина у витрины стала одним из хранителей или пришла оттуда. Это были разные части одного путешествия.

Но рядом они создавали странный контраст.

Сначала — женщина, которой было дано красивое человеческое тело, но которая словно не могла жить внутри него.

Потом — нечто живое без привычного тела, существующее вне времени.

Тогда я ещё только начинала исследовать такие переходы. Мне хотелось спрашивать дальше: что такое жизнь, если у неё нет тела? Что остаётся, когда тело погибает? Почему в одном мире существо не знает смерти, а в другом женщина не может поверить, что уже умерла?

Ответов не было.

Оставалась витрина.

История Джессики не отпустила Веру и после того погружения. В её памяти сохранилась лёгкая, яркая, независимая женщина, будто образ жизни, к которому хотелось приблизиться.

Через несколько последующих встреч Вера пришла с другим запросом. Ей хотелось понять, почему она ограничивает собственные желания, зависит от мнения близких и боится позволить себе больше, чем имеют люди её рода.

В ответах возникло дерево.

Вера увидела себя одной из его ветвей. У каждой ветки был свой путь, свой ветер и свои плоды, но все они оставались связанными общими корнями. Если одна ветвь расцветала, пока другие засыхали, ей начинало казаться, что она не имеет права сохранять свои плоды.

Голос говорил: сломать себя и уйти от дерева — не единственный способ стать свободной. Иногда помочь роду можно не отказом от собственной жизни, а примером того, как ветвь выдерживает ветер и выращивает новый сад.

Именно внутри этого разговора снова появилась Джессика.

Не я решила внезапно вернуть Веру к прежней истории. Сначала прозвучало, что после первого путешествия в памяти осталось нечто нераспознанное. Мы увидели слишком много внешнего и задали слишком мало вопросов самой Джессике.

— Мы можем туда вернуться? — спросила я. — Хотя мы уже там были.

Ответ сравнил возвращение со старым фотоальбомом.

Джессики там больше не было. Но осталась память, которую можно было открыть ещё раз, уже зная, что нынешняя жизнь Веры — другая история и другой путь.

Я спросила разрешения.

Вера согласилась.

И снова оказалась перед той же витриной.

На этот раз я не попросила перечислять рост, волосы, фигуру и одежду.

— Опиши это тело так, как ты чувствуешь его изнутри. Не так, как его видят другие. Каково тебе быть внутри него?

Ответ изменил всё дело.

— Кукла.

— Что чувствует кукла?

Вера долго подбирала слова.

— Это какое-то неживое тело. Оно вообще не живое. Твёрдое. Хрупкое.

В первый раз отражение казалось воплощением лёгкости. Теперь та же красота оказалась оболочкой, которую нельзя согнуть, испачкать или выпустить из рук.

— Это восхищение? — спросила я.

— Нет. Это страдание.

Джессика объясняла: если исчезнет её внешность, исчезнет и всё, что у неё есть. Дом, город, муж, внимание окружающих — вся жизнь словно была поставлена на одно тело.

И это тело не принадлежало ей.

— Его владелец — все вокруг. Они диктуют стандарт, каким оно должно быть. А я только учусь получать от этого удовольствие. Но его нет.

Появился и ответ на вопрос о другом мужчине, которого она хотела видеть вместо жениха.

Рядом с ним можно было расслабиться. Ему не требовалось, чтобы она всё время оставалась картинкой.

Но даже желание другой любви не освобождало Джессику от витрины. Она слишком рано узнала, что красота — её главный капитал, защита и единственное понятное право на внимание.

— Кто я без этой внешности?

Страх жил не перед зеркалом.

Он жил за ним.

Я спросила, когда Джессика впервые поняла, что её внешность может дать ей больше, чем усилия, знания или собственный выбор.

— В первый день жизни.

Мама взяла новорождённую девочку и сказала, какая она красивая.

В три года были дорогие платья.

В шесть — сцены и фотоаппараты.

В восемь — подиум и лучшие наряды.

— Уже тогда была решена моя судьба. Я понимала: можно быть просто красивой, и этого достаточно, чтобы у меня было всё.

Но за каждым подтверждением красоты исчезало что-то другое.

Ребёнок узнавал, как на него нужно смотреть, но не узнавал, кем можно быть, когда никто не смотрит.

— Любовь мне неизвестна, — сказала Вера от имени Джессики.

Она вспомнила мужа. Праздники, которые он устраивал. Его радость на свадьбе и рядом с детьми.

— Это было классно. Но не имело глубокого смысла.

Она видела, как муж и дети любят её, и сожалела, что не может ответить тем же.

Во втором путешествии это прозвучало уже не как неблагодарность.

Джессика не отвергала известное ей чувство.

Она не знала, как оно переживается изнутри.

Даже любовь матери в её рассказе имела форму витрины.

— Я была для неё куклой. Она любила меня, но как куклу.

Если девочка плакала, слёзы могли испортить лицо. Если ела сладкое, могла измениться фигура. Право на материнское восхищение связывалось с условием: оставаться красивой.

Мама будто создавала в дочери ту женщину, которой сама когда-то хотела стать.

Так это увидела Вера внутри истории. Я не могу знать, какой была настоящая семья этой женщины и существовала ли она в земной истории именно так. Но в мире Джессики смысл оказался ясным: её научили быть объектом любви раньше, чем позволили стать человеком, способным чувствовать любовь.

Она надеялась, что материнство изменит её сердце.

— Я очень хотела детей. Думала, что с ними что-то изменится. И ничего не произошло. Потом прозвучала одна из самых горьких её фраз:

— Бог так сильно меня любил, что дал сразу двоих — чтобы наверняка пробить моё каменное сердце.

Но близнецы не могли научить мать тому, чего она сама не получила без условий. После смерти Джессика увидела, что её мама отдаёт внукам свободу, тепло, праздники и простые радости — всё то, чего не сумела дать дочери.

Вера сказала, что Джессика была этому рада.

Не потому, что смерть стала правильной ценой.

Не потому, что дети должны были расти без неё.

А потому, что любовь всё-таки нашла дорогу к ним, пусть уже не через мать.

Первое путешествие задавало вопрос:

почему женщина, у которой было всё, не любила тех, кто любил её?

Второе изменило сам вопрос:

как человек может отдавать любовь, если всю жизнь его учили только заслуживать восхищение?

Это была не новая версия, придуманная ради оправдания Джессики. Она появилась при возвращении к тому же месту, с которого началось первое расследование: к витрине.

Изменилась только точка зрения.

Сначала мы смотрели на женщину снаружи.

Теперь спросили, каково ей внутри.

В конце я предложила закрыть старый фотоальбом. Мы не стирали историю и не объявляли её окончательно разгаданной. Вера забирала из неё то понимание, которое смогла получить, а остальное оставляла Джессике, её времени и её миру.

Я ещё долго думала о двух отражениях одной женщины.

В первом она была лёгкой.

Во втором — твёрдой и хрупкой.

В первом обладала всем.

Во втором не владела даже собственным телом.

В первом не смогла принять любовь.

Во втором призналась, что никогда не знала её без условий.

Так я получила один из первых уроков будущего детектива: найденный ответ не всегда завершает дело. Иногда он всего лишь показывает, какой вопрос мы забыли задать.

Мы закрыли альбом.

Но витрина осталась.

Теперь она отражала уже не красоту Джессики.

Она отражала цену жизни, которую все считали идеальной.

«Иногда, чтобы увидеть человека, нужно перестать смотреть на его отражение».

ГЛАВА 06. Тот, кто перестал быть обезьяной

Первое, что он сообщил мне о себе, было очень простым:

— Я люблю бананы.

Вера лежала с закрытыми глазами, но говорила от лица маленького самца обезьяны. Он сидел высоко на ветке, перебирался с дерева на дерево и был совершенно счастлив.

— Почему тебе так весело?

— Я могу туда и обратно узнавать этот мир. Прыгать на другую ветку — и опять сюда. Мне классно.

Он не просто находился среди джунглей. Он чувствовал себя их частью.

— Я есть то, что вокруг. Всё живое.

Светлые круги вокруг глаз выделяли его среди остальных. Тело покрывала шерсть одного цвета, длинный хвост закручивался вокруг ветки, а острые зубы напоминали, что этот весёлый детёныш мог за себя постоять.

Он был молод, непоседлив и постоянно убегал от семьи.

— У меня очень строгий папа. Он ругается. А я люблю джунгли.

Мать тревожилась и повторяла, что однажды он доиграется. Остальные жили привычной жизнью, а ему всё время хотелось узнать, что находится дальше.

Стая разговаривала звуками. Каждый отдельный крик имел значение, понятное своим. Имена им были не нужны. Родство узнавали иначе — по совпадающим отметинам на ладонях.

Он родился одним из троих детёнышей. Рядом появились две сестры, а он оказался единственным мальчиком в тройне. Под пальмой, у самого моря, их окружали взрослые. Мать кормила их молоком, которое в его памяти имело вкус бананов.

В этой жизни было много радости.

Однажды к берегу приплыл корабль с туристами. Люди смеялись, приманивали обезьян и обращались с ними как с забавными игрушками.

Стая дождалась ночи.

Когда люди уснули, обезьяны пробрались на корабль. Открывали оставленные чемоданы, уносили еду, вещи и блестящие украшения. Для туристов они были существами, которых можно подразнить. Но ночью те, кого не считали разумными, организовали настоящее ограбление.

В голосе Веры слышалось удовольствие от этой победы.

Был и другой день — уже не смешной.

На территорию пришла чужая стая. Началась жестокая схватка. Герой был тяжело ранен, но его семья удержала своё место. Он знал, что принадлежит этим джунглям и этим обезьянам.

Поэтому следующие слова прозвучали неожиданно:

— Я скоро буду человеком.

— Откуда ты это знаешь?

— Мама говорит. Она всё чувствует.

Мать будто родила его именно для перехода. Она объясняла, что люди и обезьяны не так далеки друг от друга, как думают туристы. Люди видят другое тело и потому не узнают в нём равного.

В мире, который открывался Вере, путь начинался задолго до человеческой жизни.

Сначала душа была частью природы — листом, деревом, чем-то живым. Затем становилась животным. Потом обезьяной. И только после этого человеком.

— Когда мы становимся людьми, мы должны помнить, что раньше были природой, — говорил он. — Всё вокруг — это тоже мы, только раньше. И когда-нибудь этот лист станет человеком.

Я спросила, что происходит после человеческой жизни.

Он ответил почти с детским нетерпением:

— Мне сначала надо стать человеком.

Пока существовала только одна задача.

Главная миссия — стать человеком.

Но для этого ему предстояло перестать быть обезьяной.

Когда я попросила показать последний день той жизни, радость исчезла.

Перед ним был плот.

Мать усаживала сына на связанные между собой брёвна и толкала их в воду.

— Зачем она посадила меня на плот? — возмутился он через Веру. — Мы не любим воду. Мне это не нравится. Я умру?

Мать плакала, но продолжала толкать плот от берега.

Так приказал вожак.

Детёныш больше не подходил стае. Чтобы оставаться среди обезьян, нужно было быть обезьяной до конца, а он слишком стремился за пределы известного. Его любопытство перестало быть просто игрой и стало нарушением порядка.

— У меня не получается до конца быть обезьяной, — объяснил он. — Я слишком хочу приключений. Значит, мне уже пора дальше.

Вожак решил отдать его природе — пусть она сама определит, что с ним делать.

У матери не было безопасного выбора. Если бы она отказалась, из стаи изгнали бы и её, а остальных детей отняли.

Она отправила сына одного в открытое море.

Плот медленно уходил от берега. Солнце поднималось всё выше. Вокруг не было ни веток, ни листьев, ни родных отметин на ладонях.

Только вода, которой обезьяны боялись.

Он лежал на плоту под беспощадным солнцем, пока силы не ушли. Потом просто уснул.

И больше не проснулся.

Мать сказала ему, что всё будет хорошо. Ей обещали: дальше для него действительно начнётся что-то другое.

После смерти на плоту наступила резкая тишина. Я попросила Веру оставить завершившуюся жизнь и отправиться туда, куда ей нужно было попасть дальше.

Переход оказался почти мгновенным — словно между последним вдохом обезьяны и первой мыслью человека не существовало расстояния:

— Я стал человеком.

Теперь перед ней был офис на высоком этаже. Молодой мужчина в очках сидел за большим столом и смотрел в компьютер. На нём были рубашка, галстук и строгий костюм.

Но прежде всего он рассматривал свои руки.

— Такие же, как у них, — произнёс он с изумлением.

Он двигал пальцами и вспоминал лапы.

О прежней жизни мужчина вспомнил не сразу. Ему уже было больше двадцати, он работал в большой компании и считал себя очень умным. Но стоило ему посмотреть на руки, как память вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.